

ВЛАДИМИР КОЛЫЧЕВ

18+

СЧЕТ ЗА ПРЕДАТЕЛЬСТВО

ПРОШЛОЕ НЕ
ОТПУСКАЕТ
ДАЖЕ МЕРТВЫХ

Колычев. Лучшая криминальная драма

Владимир Колычев

Счет за предательство

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колычев В. Г.

Счет за предательство / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2026 — (Колычев. Лучшая криминальная драма)

ISBN 978-5-04-250956-8

Дело молодого бизнесмена Рэма Каменева процветает. Городской рынок приносит солидный доход, братва беспрекословно слушается своего босса, семья в порядке. Но беспокойно в стране: полным ходом идет приватизация, олигархи делят сферы влияния, банкиры любыми доступными способами множат свои капиталы. Один из них, Улиткин, умело отбирает у конкурента богатый куш. Но порадоваться не успевает — пуля киллера обрывает его жизнь. Следствие подозревает Рэма и его бригаду. Ни подкупы, ни апелляция не помогают. Суд выносит суровый приговор, и Каменев едет отбывать срок в далекую уральскую колонию. Он еще не догадывается, каким важным этапом в его отчаянной жизни станет эта дорога... Еще одна захватывающая история, в которой человеческие чувства проходят жестокие испытания суровыми обстоятельствами. Автор-сила, автор-любовь, автор-ностальгия — по временам, когда миром правили строгие понятия и настоящие мужики.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250956-8

© Колычев В. Г., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владимир Колычев

Счет за предательство

© Колычев В.Г., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Часть первая

Глава 1

Красота женского тела – эстетический восторг, умноженный на силу вождения и воспетый природой мужского, а иногда и женского сознания.

Катенька лежала перед зеркалом в позе Венеры, и Рэм готов был убить любого, кто нарушит их уединение. Взлет, падение и тишина... И сомнение. В красоте Катеньки. Обычная смазливая баба, каких много. Стоило ли ради короткого, пусть и взрывного, удовольствия лезть в чужую постель?.. Может, через час-другой сознание четко скажет «да» в ответ на этот вопрос, а сейчас Рэм подумал о своей жене. Лена ничуть не хуже Катеньки, такая же красивая, статная, длинноногая, ухоженная и вообще на порядок лучше. Но два с половиной года назад она изменила Рэму, виновника ее падения он наказал, но никому ничего не сказал. Даже Лене не предъявил, хотя она и догадывается, что Рэм отказался от нее из-за измены. Отказался от нее, но не от ребенка. Вареньке уже третий год, ради дочери он готов и дальше терпеть предательницу-жену.

– Пойду я, – сказал он, поднимаясь.

– Так рано? – потянулась Катенька, уверенная, что эта встреча не последняя.

– Не сыпь мне соль на рану, – усмехнулся Рэм.

На самом деле поздно уже, официальный рабочий день на исходе, на улице холодно, а в спальне тепло, особенно под боком у Катеньки. Поспать бы немного в полное свое удовольствие, но вожжа какая-то под хвост попала, толкает на выход.

А на выходе Рэм столкнулся с худосочным типом с узким лицом под пышной меховой шапкой. Тот своим ключом открыл дверь и остоленел, увидев Рэма.

– Ты кто?

– Будем знакомы! – усмехнулся Рэм.

Он знал, что у Катеньки есть муж, но никогда еще с ним не пересекался.

– Катька! – заорал Гоша.

– Да это по работе! – донеслось из спальни.

Кровать даже не скрипнула, видимо, Катенька так и осталась лежать, даже не думает одеваться, плевать ей на мужа.

Рэм вспомнил, как сам застал Лену в компании Луки. Она не очень-то и хотела, даже сопротивлялась, но Рэм понял, что это не изнасилование, поэтому не стал устраивать сцену, увидел и ушел, не привлекая к себе внимания. А потом тихонько вывез Луку в лес и пристрелил как последнего пса. Помнил он, как ревела душа от боли. И Гоша страдает от того, что любимая женщина предала его. Рэм его понимал и даже чувствовал свою перед ним вину. Может, потому он даже не дернулся, когда Гоша размахнулся. Фактически он подставился под удар и не изменился в лице, когда кулак врезался в челюсть. А ударил Гоша крепко, искры из глаз, правда, не брызнули, но в носу остро запахло ржавчиной.

– Мразь! – Гоша распалился, ударил снова, и в этот раз Рэм повел головой, чтобы кулак скользнул вдоль скулы. – Убью!

На третий раз Рэм поймал кулак, сжав его своей пятерней. Руку заломал не сильно, ровно настолько, чтобы Гоша не смог ударить с левой, и ухмыльнулся, глядя в глаза своему незадачливому сопернику:

– Хорошего понемногу.

– Рэм, не надо!

Наконец-то Катенька вышла из спальни, на ходу запахивая халат.

– Тварь! – зашипел Гоша.

– Тронешь бабу – убью! – предупредил Рэм.

И уходил он, практически не сомневаясь в том, что Гоша и пальцем не прикоснется к своей изменнице-жене. Знал силу своего взгляда. И внушения.

По бабам он ездил в одиночку, в машине только водитель. Пока Чук подгонял «Геленд-ваген», Рэм успел оглядеться: вроде ничего подозрительного, никто не поджидает его с пистолетом в руке, не спешит на перехват, и оптический прицел на чердаке не блеснет. А желающих свести с ним счеты предостаточно, хотя оголенные провода из его отношений с недругами не торчат, ровно все острые фазы сглажены. Рынок принадлежит ему на все сто процентов, и дело не только в праве собственности, а в умении удержать ценный приз, взятый три с половиной года назад. Рэм держит «Пятнашку» крепко, многие уже в этом убедились. А кое-кто заплатил своей жизнью за право что-то поиметь с Рэма. С волками, как говорится...

Огромный пустырь на стыке двух расходящихся проспектов застроили до самой Подснежной улицы. Есть планы одолжить часть территории у пятнадцатой теплоэлектроцентрали, в честь которой называли район и прилегающий к нему рынок, но дело это не быстрое, а пока стригутся купоны с уже имеющихся овец. Популярность у «Пятнашки» бешеная, аренда торгового места в среднем сто долларов в день, а рынок огромный, деньги текут рекой. И главное, никакого рэкета. Из криминала только контрабанда и контрафакт, с этого «общак» имел дополнительные миллионы. Торговля оружием, наркотой, проституция – все это строго под запретом. Рэм не собирался превращать свой рынок в бордель.

Нулевой цикл под новую электростанцию, тот самый бункер, на котором когда-то строилась боевая мощь «Теплоцентрали», давно уже доведен до ума и спрятан под землю. Появившиеся надстройки снесены, вместо них возведены полноценные три этажа из легких конструкций, так что вышел полноценный торговый комплекс. Вход в подвал для посетителей строго воспрещен, вход только для своих.

Рэм подъехал прямо к торговому центру, сначала обошел помещения – мало ли, вдруг кто-то из охраны или администрации забил на свои обязанности, может, где-то бардак. Или вдруг с отоплением проблемы, считай, середина декабря, на улице минус пять, не так чтобы уж очень холодно, но точно не жара.

Признаки беспорядка он обнаружил на верхнем ярусе бункера. Какой-то старик бежал к выходу, за ним гнались двое с дубинками, а еще один сидел на корточках, пальцами закрывая рану на предплечье.

В руке у старика была заточка, и он бросился на Рэма, требуя открыть дверь. Пришлось применить силу, и рука оказалась в захвате, а нож полетел на бетонный пол. Бить старика Рэм не стал, всего лишь заломил руку за спину. И взглядом задал вопрос охранникам.

– Паскуда, Леву подписал! – сказал охранник с позывным Даня.

Он и хотел ткнуть дубинкой старику в живот, но Рэм предостерегающе покачал головой. Вегетарианское у него сегодня настроение, мясо, особенно с кровью, не подавать.

– Кошелек у бабы дернул, – сказал Проня.

– Левоу займитесь!

Рэм оттолкнул от себя старика так, что его развернуло к нему лицом, присмотрелся: не такой уж и старый, возможно, мужику немногим за сорок, но выглядел он плохо, лет на шестьдесят, если не больше. Волосы седые с желтизной, лицо болезненно землистого цвета, все в морщинах, коричневые зубы, одет плохо, воротник рубахи засаленный, старые «вареные» джинсы без ремня. Руки подрагивают, если от волнения, то понятно, а если это тремор, как мужик мог вытащить кошелек? Тем более в мороз. Или не смог?

– Ты кто такой?

– Да я-то Стах. Вор. А ты кто?

– В законе? – спросил Рэм, торопливо перелистывая в уме страницы памяти.

Что-то не слышал он о законном воре по кличке Стах. Впрочем, блатной романтикой Рэм не бредил, знал только авторитетов, с которыми имел дела. Братьев Квантришвили знал, но дел с ними уже не имел, одного еще в девяносто третьем отправили в мир иной, другого уложили через год. А сколько таких законников расстреляли в одной только Москве – и не сосчитать...

– В законе, – скривившись, ответил Стах, давая понять, что его тошнит и от порожняка, и от самого Рэма. Даже хотел сплюнуть, но Рэм надавил на него взглядом, как он это умел.

– Я здесь за старшего, – сказал он. – Не надо со мной плохо. Тем более что пока я с тобой хорошо.

Он хоть и не вор, но тоже в законе. Не вор в законе. Хотя бы потому, что фактически единолично устанавливает законы для целого мира, что представляла собой «Пятнашка». Небольшой, но город. В городе.

– Выпить хочешь? – спросил Рэм на правах большого хозяина маленького города.

– За старшего здесь? – задумался Стах.

– Мой рынок. Весь... Пошли!

Рэм провел вора в «келью», как он называл свою персональную комнату, примыкавшую к кабинету. Здесь у него все условия для жизни, даже отдельный санузел. Обстановка, мягкий диван. В своем доме он редкий гость, здесь ночует, ему привычно и комфортно, когда все под рукой. Четвертый год, считай, так живет. Он ведь и до того, как жена его предала, часто здесь ночевал. Может, потому Лена и не смогла отказать Луке.

– Живешь здесь? – осматривая комнату, спросил Стах.

– Я не говорил, что здесь живу.

– Да я вижу. Логово здесь твое.

– Логово.

– А говоришь, за рынком смотришь.

– Рынок мой. По всем документам.

– А где дворец?

– В общаке. Рынок мой, а доход общий. Живем небогато, – пожал плечами Рэм.

Он действительно не гнался за атрибутами красивой жизни, жена – да, она в трехкомнатной квартире живет, но ему для полного счастья хватает и этой кельи. А у Беляша уже свой особняк за городом, Весельчак за границей виллу приобрел, Вася Чумаков свой торговый центр неподалеку от рынка достраивает. У многих пацанов свой собственный бизнес, но Рэм смотрит на это сквозь пальцы. Во всяком случае, пока.

Он открыл бутылку виски, налил себе и гостю, от которого, надо сказать, пахло не очень.

– Тебя это напрягает, – внимательно глядя на него, сказал Стах.

– Что живем небогато?

– Сказал, как будто занозу в душе тронул, – усмехнулся вор.

– А ты чего такой замороченный, если в законе? Мелочь по карманам тыришь.

– Ворую, потому что вор, а не барыга. А мелочь... – Стах выразительно глянул на свои дрожащие пальцы.

– Вор на общак собирать должен, – пожал плечами Рэм. – На свой воровской общак.

Подходили к нему представители воровской общины, просили, требовали процент от прибыли, но Рэм их вежливо посылал. И без воров они на Москве крепко стояли, его знали, уважали, и не важно, что считали барыгой.

– Да вот не поставили меня на общак, другие люди есть. А я сам по себе. Пришел, ушел, только меня и видели, – усмехнулся Стах.

– Умирать собрался?

– На тюрьму. Там мой дом.

– А в этом мире ты где живешь?

– Не твое дело!

Не задалась у вора жизнь на воле, может, прибился к какой-нибудь бабе, бухал с ней, пока руки трястись не начали. А может, микроинсульт перенес и сейчас только что из больницы. Состраданий он, конечно, не вызывал, но уважение, возможно, заслуживал. Пробить бы надо, кто такой этот Стах, вдруг не последняя величина в темном зарешеченном мире. Авось пригодится.

– По рынку больше не ходи, – сказал Рэм. – Не надо. Щипачам и прочим карманникам у нас не рады, и зубы пересчитать могут. А если с хатой проблемы...

Рэм открыл дверку шкафа, выбрал одну из нескольких связок ключей – община у них богатая, есть свой жилищный резерв, для особо ценных работников или незапланированных гостей – и сказал:

– Однушка на районе, там поживешь до тепла. Пока руки трястись не перестанут.

Стах смотрел на Рэма, как будто костер в нем развести пытался, изнутри его сжечь, испепелить. И медленно качнул головой, отказываясь от опеки.

– От тюрьмы и сумы не зарекайся. Может, занесет меня нелегкая за решетку, и ты мне ключи для чего-нибудь полезного дашь, – сказал Рэм.

Не собирался он в тюрьму, все у него на мази, неразрешимых проблем с законом нет и пока не предвидится, но все может случиться.

Стах думал долго, наконец взял ключи, сурово глянув на Рэма. Ничего он ему не пообещал, но и ключи унес с собой, и деньги, которые Рэм отвалил от щедрот своих душевных.

Отпустив вора, Рэм хотел позвонить Гиблому, чтобы пробил по Стаху, но передумал – потом как-нибудь, не горит. Надел тренировочные перчатки и отправился в спортзал. Бригады здесь давно уже не тренировались, для этого «Пятнашка» располагала целым комплексом зданий в промзоне, вне территории рынка, там офис охранной фирмы, спортзал, тир, даже полоса препятствий. И рынок под охраной, и прилегающие к нему объекты, в том числе и в соседних районах. Директор охранной фирмы Егор Беляев, он же «Беляш». Разумеется, все под контролем Рэма. Во всяком случае, пока. Нет никаких предпосылок, что его друзья могут выйти из подчинения, но что-то нехорошо сегодня на душе...

После спортзала Рэм отправился к себе в келью, принял душ, в кафе можно сходить, или даже ужин принесут. Но появилась Лена, и не одна, Дашка с ней, сестра родная, Варенька у нее на руках, довольная, улыбается. И Лена делает вид, что все хорошо.

– Ты один тут? – Дашка сначала заглянула в комнату и только после этого зашла.

Она еще летом девяносто второго была совсем взрослой, на рынке торговала, но братва на нее наехала. Рэм тогда только из армии вернулся, весь при параде. И прямо с корабля на бал в одиночку схлестнулся с залетными. Потом пацаны стали подтягиваться, в общем, отбили рынок. И пустырь весь под себя взяли, «распахали», «засеяли», богатые урожаи собирают. Девяносто пятый год на исходе, Дашка теперь в администрации рынка вместе с мужем. Леша Долотов мужик ушлый, но в свое время жизнью рискнул, подписался под Рэма. Так что Дарья Долотова не последний человек в системе. Тоже дом за городом отгрохали, на «Мерседесе» ездят, мама смотрит за ребенком. И Лена у них частый гость. Мама-то ничего не знает.

– Ах ты, моя красотка! – Рэм забрал у сестры Вареньку.

– Вся в мать! – кивнула на Лену Дашка.

А та, как обычно, во всеоружии: одета дорого и со вкусом, прическа и макияж – только что из салона красоты, светлая норковая шубка совсем новая. И за фигурой Лена следила ревностно. Хороша, чего уж тут говорить, иногда к ней даже начинало тянуть, но Рэм знал, как совладать с предательскими позывами. Не зря же у Катеньки сегодня побывал, а еще в спортзале душу отвел. Лена верит в себя, улыбается, как будто еще есть надежда на семейное счастье, но в глазах тaitся тоска. Плохо ей без Рэма, но так он ее под Луку не подкладывал.

Он сухо посмотрел на жену:

– Почему не позвонили? Как снег на голову.

– Так по торговому центру гуляли.

– Гуляли, – усмехнулся Рэм.

Бутики свои здесь, у Дашки, настоящими брендами торгуют, подделками тонкий вкус избранной публики не раздражают.

– Домой едем, завтра воскресенье, Леша баньку затопил, шашлык будет.

– Ну да, завтра вы не работаете, – усмехнулся Рэм.

У самого и рынок работает без выходных, и он сам. Даже отпуск почти не берет, все некогда.

– Завтра будет завтра, а сегодня банька и шашлыки! – Даша выразительно посмотрела на брата.

А он не спешил давать согласие. Как-то раз уже попался на эту хитрую удочку: шашлыки Леша жарил отменные, и пиво у него баварское, вкусное, Рэм хорошо загрузился и даже не понял, как оказался в постели с Леной. Не хотелось бы повторить... Или все же хотелось бы?

– Я подъеду, – сказал он, с показным равнодушием глянув на жену. – Чуть попозже.

Рэм распорядился выделить охрану, чтобы сопроводить родных к дому, отправил их, а сам закрылся в своей келье. Странная у него какая-то жизнь.

– А мой муж Стахова знал?

– Ну, если в своей квартире поселил...

– И Стахов сейчас в СИЗО?

– Пока в КПЗ, э-э, в ИВС – изоляторе временного содержания. Но завтра уже этапируют в СИЗО. А что?

– А Стахов вор в законе?

– Я же сказал, – Бугович непонимающе смотрел на Лену.

А она думала о своем муже. Сейчас у Рэма все хорошо, но все может измениться в любой момент. Вдруг отправят в камеру к прожженным уголовникам, он-то, конечно, сможет постоять за себя... А если нет? Если что-то помешает защитить себя? Свои дома, чуть ли не левые источники доходов, всем хорошо, одному только ему нравится пропадать в своем бункере. Святая суббота сегодня, народ в приподнятом настроении, тот же Беляш будет париться сегодня в баньке со своей женой, Вася – жарить шашлыки с Лилией, может, вместе соберутся, Весельчака еще позовут. Рэму даже выпить будет не с кем, только дежурная бригада с ним, но пацаны всерьез относятся к своим обязанностям, а он не станет провоцировать их на пьянку. Если напьется, то в одиночку. И какая в том радость?

Глава 2

Победы куются в сражениях не на жизнь, а на смерть. Викентий Верлинский сражался как лев, поэтому «Уралмет» будет принадлежать ему с потрохами. Не «Норильский никель», конечно, но кусок лакомый – несколько металлургических предприятий в одном флаконе. Не зря Улиткин зеленый от злости. Его «Бонус-Банк» уже владел шестью процентами акций завода, который выставлялся на аукцион в составе компании «Уралмет». Улиткин не мог упустить шанс получить полную власть над головным заводом, а вместе с тем и над самой компанией. Но победы ему не видать как собственных ушей. До аукциона еще далеко, но Викентий получил право на регистрацию его участников, это значило, что заявка «Бонус-Банка» будет отклонена. Улиткин, конечно, поднимет шум, заявит о нечестной конкурентной борьбе, но эти разговоры «в пользу бедных» ничем ему не помогут. Хотя бы потому, что он сам пытался заполучить право на проведение аукциона, но не судьба.

– Я так понимаю, заявку мою ты отклонишь. – Улиткин не спрашивал, он утверждал.

– Ну почему-то же захочешь выставить на продажу свои шесть процентов, милости просим! – с ухмылкой сказал Викентий.

– Издеваешься?

– Да нет, просто вспомнил, как ты на «Урайнефть» меня кинул!

Викентия больше интересовала нефть, нежели металл, он претендовал на сочную кость восемнадцатипроцентной жирности, но Улиткин сделал все, чтобы дисквалифицировать его участие в аукционе. Сам восемнадцать процентов компании к рукам прибрал. По сути, Викентий собирался отплатить ему той же монетой.

– За «Урай» ты получил награду, – скривил губы Улиткин, – свидетельство.

– Какое свидетельство? – повел бровью Викентий.

– Об установлении отцовства... Или не получал?

Улиткин выразительно глянул на своего референта, парень качнул головой, открыл папку, достал оттуда какой-то бланк и передал боссу со словами:

– Извини, закрутился, замотался! Исправляю свою ошибку! И надеюсь на плодотворное сотрудничество! – заерзал Викентий.

Улиткин ужалил его взглядом и ушел, прихватив своего референта. Какое-то время Верлинский в оцепенении наблюдал, как он выходил из зала, а потом глянул на бланк, который держал в руке. Действительно, свидетельство. Об установлении отцовства. Оказывается, Верлинский Аркадий Викентьевич с высокой долей вероятности является сыном Каменева Рэма Евгеньевича. Потрясенного Викентия бросило в жар, пот на лбу выступил, строчки поплыли перед глазами.

Дружба с Улиткиным закончилась еще два с лишним года назад. Этот жук тогда попытался бросить Викентия под Каменева, чтобы тот раздавил его своей бандитской мощью. Афера не удалась, Каменев жестко наехал на Улиткина, мог, но не стал его убивать. Зато Ульяна чуть не пострадала – один ублюдок стрелял в нее. Викентий сам тогда не понял, как бросился на пулю. И не Каменев спас Ульяну, а он сам. Ульяна это оценила, отказала Рэму во взаимности и осталась с Викентием. Через три месяца стала его законной женой, а еще через шесть родила ему прекрасного сына. Не так давно Аркадий, на свою беду, попался на глаза Улиткину. Это ж нужно было постараться, чтобы уловить в ребенке сходство с Каменевым. Мало того, Улиткин каким-то образом раздобыл образец ДНК ребенка и предполагаемого отца, сдал геномы на анализ. И вот результат...

На самом деле сходство между Аркадием и Каменевым существует, но оно такое незначительное, что смешно делать выводы. И в результаты генетической экспертизы верить также

смешно, Улиткину ничего не стоило подделать заключение, чтобы наказать Викентия за несговорчивость.

О том, что Улиткин снова ставит его с Каменевым, Викентий подумал уже в машине. Если Каменев его убьет, Улиткин легко перехватит утерянную инициативу и возьмет полный контроль над «Уралметом».

Зазвонил телефон, на дисплее высветилась ненавистная фамилия. Викентий и не хотел брать трубку, но рука сама потянулась к телефону.

– И как тебе сюрприз? – спросил Улиткин.

– Сука ты! Это я тебе от чистого сердца заявляю!

– Ну хоть что-то от чистого сердца! – засмеялся подлец.

– С огнем играешь, Ваня! Только зря надеешься, не пойду я к Каменеву, не стану ему ничего говорить! Не справишь ты нас!

– Да я и не собираюсь. А к Каменеву мой человек ходит. И к нему, и ко всем... Вся Москва будет знать, что ты воспитываешь чужого ребенка!

– Я тебя своими руками убью, мразь! – взорвался Викентий.

– У-у, да это угроза! – засмеялся Улиткин и сбросил вызов.

А Викентий даже не смог нажать на кнопку, палец будто парализовало. В голове бешено пульсировала мысль, что Улиткин пытается сравнить его с Каменевым. Потом в голову пришло, что этот подонки собирается его шантажировать: не будет допуска к «Уралмету», о позоре узнают все. А сейчас в сознании пиццала мысль о том, что Улиткин хитростью выбил из Викентия угрозу смертью, наверняка записав ее на пленку, чтобы затем представить как доказательство в суде. Мысль живая, но сознание она перечеркивала ровной мертвой полосой, как будто сердце уже остановилось.

Викентий отключил телефон, бросил его на сиденье. Но, с другой стороны, зачем Улиткину нужна эта угроза? На ее основаниях Викентия даже к административной ответственности не привлечь. Если, конечно, с Улиткиным ничего не случится. Но зачем этому подонку себя убивать? Чтобы подставить Викентия? Это же курам на смех!

Тем временем машина уже доставила Верлинского в Сосновый бор. Приватизация шла полным ходом, нефтяные компании, эти «священные коровы» правительства, скупаются на корню, а Викентий до сих пор живет на земле, взятой в аренду. Хотя ты тресни, не получается приватизировать ее, мэрия стоит намертво. Ну да ладно, еще не вечер.

Дом уже старый, шесть лет скоро как стоит. Старый в том смысле, что совковая проектировка, а так – все хорошо, большой дом, коммуникации. А новый Викентий на Рублевке строит, фундамент уже заложили. На этом пока остановились. Эта чехарда с приватизацией требовала полной мобилизации сил и средств, нельзя сейчас разбрасываться деньгами. Впрочем, их всегда будет не хватать. И всегда занозой будет торчать «Пятнашка», этот рынок приносил новому хозяину десятки, если не сотни миллионов долларов. А ведь когда-то им владел Викентий. Маленьким кусочком владел из того, чем располагал сейчас Рэм Каменев. Но владел. И на второй такой же кусочек аренду оформил, третий бы взял, четвертый, сейчас бы имел под собой огромный рынок, но не судьба. Каменев отобрал у него все. А связываться с ним – себе дороже, сколько раз Викентий в этом убеждался.

Ульяна вышла из дома с ребенком на руках, материнство ей шло, она стала еще красивее и нежнее, чем раньше. Видел бы ее сейчас Каменев... Но не увидит, потому что Ульяна не ищет с ним встреч. Целиком посвятила себя семье. Только вот второго ребенка почему-то не ждет. Викентий старается, но пока ничего. Может, и не получится больше. А может, и никогда не получалось, если Ульяна на самом деле понесла от Каменева.

Викентий вышел из машины, лежавшее на сиденье свидетельство прилипло к заднице и отвалилось, когда за ним закрылась дверь. Он взял сына, а Ульяна присела и подняла с земли бумагу.

– Что это?

– Тебе лучше не читать! – мотнул головой Викентий.

Но Ульяна прочитала.

– Что?!. – простонала она. – Как ты мог?!

– Это Улиткин!

Викентий погладил сына по голове, волосы под шапочкой такие нежные, няньке ничего не стоило выдернуть один и продать Улиткину за цену, которую он сам же и назначил. Или не няня это сделала, а кто-то другой. Если свидетельство – не фальшивка.

– Зачем?

– Шантаж. Ты же знаешь, какие у нас с ним отношения.

– И что ему нужно?

– Не думаю, что ты.

– Почему Каменев его не убил?

Викентий промолчал. Каменев мог убить его самого, причем не один раз, но Викентий до сих пор жив. Но так и Каменев тоже в полном здравии и на свободе.

– Почему ты Улиткина не убил? – разошлась Ульяна.

– У меня тоже есть к тебе вопросы! – сказал Викентий, передав ребенка подошедшей нянечке.

– Это фальшивка! – выкрикнула Ульяна и разорвала свидетельство. – Неужели непонятно!

– А если нет? – насупился он.

– Не было у нас ничего с Рэмом!

– Ну, хотелось бы в это верить.

– Могу сходить к Рэму! – Ульяна не сводила с него глаз. – Взять у него образец ДНК, проведем экспертизу.

– Образец? – От волнения Викентий кашлянул в кулак.

– Ну Улиткин же как-то брал. Если брал.

– А ты возьмешь?

– Можешь сам взять, – усмехнулась Ульяна.

– Не надо ничего! – Викентий решительно мотнул головой. – Будем из-за какой-то фальшивки огород городить!

Он забрал у жены разорванное на восемь частей свидетельство и разодрал плотный слой бумаги еще надвое. Плевал Викентий на Улиткина, плюет и дальше будет плевать. И ничего с ним за это не было, нет и не будет...

Глава 3

Большой дом у Долотова, красивый, с фахверками, как на неметчине. И пиво у него германское. А банька русская, на берегу реки, топится по-черному. Вечер, темно, Рэм, не стесняясь, выскочил на мостки, разогнался и прыгнул. Метил в прорубь, но чуть промахнулся, локтем срубил ледяной выступ, но руку не сломал, даже боли почти не почувствовал. Вынырнул, громко крикнул, еще раз с головой под воду нырнул – все, пора обратно в парную.

В этот раз Дашка его не звала, сам приехал, как снег на голову свалился. Но угадал: Долотов жарил шашлыки, и Лена у них гостила, сдружились они крепко. Сдружились против Рэма, но вроде как с пользой для него. Зла ему не желают. Что ж, пусть дружат, а они с Лешкой по пивку еще разок пройдутся. Эх, раз, даже еще раз... Наконец настал момент, когда Рэм лыка не вязал. И никакого больше желания выходить из бани.

– А помнишь, как мы с новгородскими? – спросил Долотов.

И этот лыка не вязал, глаза осоловелые.

– Да помню, – кивнул Рэм. – Рынок на всех взяли... Потом Викентия за жабры...

– Аренду на тебя переписал.

– На меня... Только у нас с Ленкой квартира, а у тебя домина!

– Наконец-то! – уходя от разговора, хлопнул в ладоши Леша. – С Ленкой квартира!.. С Ленкой!.. Ваша с ней хата! Может, хватит уже бегать от нее?

– Леша, сейчас схлопочешь! – разозлился Рэм.

Долотов здоровый боров, бойцовской породы, хотя ни в одной бригаде никогда не числился. Удар у него тяжелый, мощный, но против Рэма он никто. И Леша это знал, поэтому притих, даже голову опустил. Знал, что Рэм отходчивый, если не бросать ему вызов.

Было время, Леша торговал на рынке, присматривался к Дашке, а когда представился момент, встал под знамена Рэма. С тех пор только в торговле, сейчас директор рынка. И оклад у него более чем, с общинного бизнеса неплохо имеет, опять же свои собственные проекты. Но так на него неофициальная доля с рынка не распространялась, зато Беляш, Вася, Весельчак и еще с полсотни пацанов – типа акционеры. Дивидендами Рэм их особо не балует, поэтому они крутятся как могут. И ведь неплохо накручивают. Не всегда честно. Впрочем, Рэм старается закрывать на это глаза. И сейчас закроет. Потому что спать хочется.

– Не обижайся! – Рэм с трудом поднялся, похлопал Лешу по плечу и вышел.

А вышел он в одном только банном халате на голое тело, в шлепках, заметил это не сразу, на полпути к дому. Назад не повернул, даже шаг не ускорил. Зашел в дом, а там теплынь, Ленка и Дашка у камина, за бутылочкой вина. Дети уже спят, почему бы не посидеть?

– Куда ты такой хороший? – спросила Даша.

Рэм глянул на нее, затем на себя, ну да, халат на голое тело. Но неважно, в гостевой ему уже постелено, ляжет сейчас, и спать.

Рэм глянул на жену. А ведь хороша девка, волосы распущены, глаза накрашены, тени глубокие. Сейчас так не красятся, но Лена как будто хотела напомнить о тех временах, когда она возбуждала Рэма до неприличия. А ведь было такое, хотя он никогда по-настоящему ее не любил. Но так и по Ульяне не очень-то с ума сходил. Думал, что любовь до гроба, но особо за ней не бегал.

Он прошел в свою комнату и не услышал, как Лена шмыгнула за ним. И как закрутилось... О том, что засыпал на ходу, он вспомнил уже потом, выжатый и высушенный досуха, Лена лежала под боком, голова у него на груди. Лежала, боялась пошевелиться. И он лежал, ничего не говорил. Так и заснул. Ночью просыпался, но Лену от себя не гнал. Зачем? Завтра просто уедет от нее, запретя в своей келье. Не так уж там и плохо, если разобраться.

И утром не спешил уходить. Проснулся, попробовал заснуть, но Лена прижалась к нему и страстно прошептала:

– Не уходи!

– Не надо! – усмехнулся он.

– Что не надо?

– Не надо! Ну пожалуйста! Ты так говорила!

– Не было ничего такого! – Голос у Лены дрогнул. – Я не хотела... Нет, правда, не хотела! Я сопротивлялась! Мне было с Лукой противно!

– Ладно, проехали.

– Лука с тех пор больше не появлялся, – тихо сказала Лена.

– И не появится, – жестко проговорил Рэм.

Только он один знает, где находится могила Луки. Пока он не признается в убийстве, никакие разоблачения не смогут загнать его в угол. И пацаны не предъявят. Это уже не те пацаны, что раньше. Лука для них давно уже пустой звук. Много воды за два с половиной года утекло.

– Ты его убил? – шепотом спросила Лена.

Рэм промолчал, взял сигарету, закурил.

– Мне ничего не сказал... Никому ничего... – продолжала она. – И никто ничего не знает... И не узнает... Рэм, я всегда знала, что ты лучший!

Лена трепетно прижалась к нему, Рэм отталкивать ее не стал.

– Проехали!

– Может, пора остановиться? – спросила она. – Варенька уже совсем взрослая, вопросы задает, а где папа?

Рэм глубоко затянулся, давая понять, что сейчас потушит сигарету и уйдет, чтобы не слушать бабскую клокотню. Лена вцепилась ему в руку, не давая уйти.

– А ко мне мужчина один подходил, – сказала она. – Сначала знакомство предложил, я отказала, тогда он в лоб. О том, как мы с тобой живем, спросил.

– Про меня спрашивал? – задумался Рэм.

– Денег предложил, чтобы я рассказывала про тебя.

– И что ты? – Рэм приподнялся на локте, озадаченно глядя на Лену.

– Дело не в том, что я, дело в том, что денег предложил. Ну да, живу в обычной трешке, езжу на обычной машине, одеваюсь, ну, может, немногим лучше, чем все... Нет, это не упрек!

– Это упрек!

– Так, я, кажется, запуталась! – Лена приложила пальцы к вискам.

– Сейчас запуталась? Или когда тебя вербовали?

– Тогда нет, тогда я ответила четко. Сказала «да».

– Четко сказала «да»?!

– Чтобы затем все рассказать тебе.

– Давай, раскручивайся. И рассказывай, кто подходил? Когда?

– Подходил. Говорил, как медом мазал. Брутальный такой мужчина, можно влюбиться...

Рэм усмехнулся. Хочет, пусть влюбляется, ему не жалко. Главное, чтобы папу нового к Вареньке не привела, а так все можно. Он практически не сомневался в этом, только вот вслух формулу возможных своих отношений с Леной почему-то не озвучил.

– Только вот не влюбилась. – Лена выдержала ровно такую паузу, которая потребовалась ему, чтобы не спеша переварить ее слова. – И за ним не пошла. А он звал, грузил от всей души, чуть не поверила.

– Короче!

– Что короче? Ты правильно сказал, Валерьян этот вербовал меня.

– Так и назвался – Валерьян? – спросил Рэм.

Логика подсказывала, что Лена сама грузила его от всей души. Надо же как-то набить себе цену. Но в то же время вербовать ее действительно могли. Да и гульнуть она могла. Последний год за ней совсем уже не следили, и Рэм почему-то решил, что боится она рисковать. Да и душа к ней не очень-то и лежала, чтобы ревностно следить.

– Может, придумал, – усмехнулась Лена. – Хотел, чтобы я его как валерьянку воспринимала. Для души. Короче, раскрутить меня Валерьян этот не смог, поэтому прямо предложил деньги. Чтобы я держала его в курсе твоих дел.

– И ты отказалась? – спросил Рэм.

Странная какая-то ситуация. Допустим, Валерьян действительно существует, он предложил Лене дружбу в постели, она отказалась, и тогда он пошел ва-банк. Звучит очень странно. Если Лена действительно отказалась, то вербовать ее напрямую очень опасно. Если она отказалась от любовных отношений, значит, она уже против всякого вторжения в ее личную жизнь. Значит, она представляет опасность для вербовщика. Предложить такой женщине сотрудничество – все равно что сдать себя.

– От постели отказалась, а от денег нет. Сказала, что ты держишь меня в черном теле, то-се. Он поверил.

– Когда это все было?

– На прошлой неделе.

– Деньги получила?

– Завтра Валерьян подъедет. Я к тебе сегодня собиралась, ну, если бы ты вдруг не подъехал.

– Но я подъехал... Ты хоть понимаешь, что с тобой будет, если ты предашь меня еще раз? Заберу Варю, и ты ничего не сможешь с этим сделать.

– Я и в прошлый раз тебя не предавала.

– Ну смотри!

Рэм собрался уезжать, но подумал, что Валерьян может следить за Леной. Может, стоит где-то машина, сидят в ней люди, может, даже слушают, что творится в доме. Поставить «жучки» не такое уж и сложное дело.

Рэм отошел в самый дальний угол двора, где никто не мог его слышать, позвонил Гиблому и велел ему отправить людей на адрес. Обычные «быки» могли распугать наружку, а спецы Гиблого сделают все аккуратно.

И ведь не подвел Гиблый, и люди подъехали, и подозрительного типа вычислили, который наблюдал за домом из своей машины. Привлекать к себе внимание ребята не стали, взяли мужика в разработку. И не ошиблись. Рэм отправился домой, а подозрительный остался на месте. Но поехал за Леной.

Дом Долотова проверили на наличие «жучков», ничего не нашли, именно поэтому Рэм не торопился брать следившего за Леной мужчину. Его тайком сфотографировали, наскоро откатали снимок, с ним Рэм и зашел к жене «на огонек». В их трехкомнатную квартиру, которая казалась лачугой на фоне хором, воздвигнутых Лешей.

– Это Валерьян? – спросил Рэм.

Мужчина был сфотографирован в профиль, за рулем машины, Лена глянула на снимок и уверенно мотнула головой.

– Нет!

– Значит, человек твоего Валерьяна, – вслух подумал Рэм.

– Ну во-первых, не моего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.